

Елена Андрейчикова

МЕЛАНХОЛИЯ МЯСА

Изойду слюной, пока пожарим эти стейки. Мясо — вот что, собственно, и мотивирует меня иногда проводить время с людьми. Оно сближает. Сегодня еще и несколько важных временных и пространственных обстоятельств: бабье лето, выходной день, дача на берегу Днестра, три ряда созревших помидоров сорта «Черный принц». И то самое мясо. Свиная шея, купленная утром на Привозе у болтливой тетки-перекупщицы в выцветшей косынке, умело строящей из себя колхозницу, а на самом деле всю жизнь проживающей на Новосельского. Сто семьдесят гривен за килограмм — так нагло дорого. В вырезке было килограмма три, не меньше. И весь кусище был с тонкими прожилками, в меру жирный, бледно-розовый — одним словом, свежий. При мысли о хорошем мясе я всегда улыбаюсь. А что еще в этом мире может по-настоящему радовать?

Диана нарезает его идеальными для прожарки на решетке кусками, поперек волокон — я контролирую. Соль, перец молотый. Руки мои протестуют, когда она достает перец душистый. Она пытается объяснить, что Петрович, который должен скоро присоединиться к нам, в прошлый раз добавил его в маринад, а еще лук и лавровый лист, и заканчивает совсем лишним аргументом: «Ну было же вкусно, вспомни». На что я со всей широковозможной для себя улыбкой посылаю ее в жопу. Жопу Петровича. Мысленно. Я давно не трачу слов: людям, во всяком случае, понятливым, достаточно правильных взглядов.

В два часа начинают подъезжать машины, чьи-то нервные руки терзают звонок, и ноги стучат по воротам. Прибыли любители до отвала набить желудок до полуночи, а после полуночи лечить внезапную изжогу. Я же съем ровно столько, сколько моему, честно сказать, субтильному организму положено.

Диана всех встречает и вежливо улыбается. Хорошая, в сущности, женщина. Но слишком уступчивая. Меня это почти бесит, хотя я прак-

тически не способен выходить из себя из-за чьих-то поступков. Она женщина — и это предопределяет все ее слабости. Если на них смотреть сквозь легкое снисхождение — мне можно, я любя, я не сексист, — то она бывает даже очаровательной.

Ей двадцать два. На восемь лет меня старше, но это совсем не значит, что взрослее или умнее. Русые густые волосы до талии. Архаизм, конечно, дикий. Но мать который год упорно отговаривает ее постричься: мол, пожалеешь. Вот она и жалеет который год. Себя. Но боится, видимо, пожалеть еще больше.

Сегодня Дэ в белом. Дэ — это коротко «Диана». Сколько же пафоса родители вложили в ее имя! И вы еще фамилию не слышали. Она давно догадалась, что эта буква, произнесенная мной, может означать все что угодно, поэтому иногда косит сжатыми губами в сторону, когда я ее зову.

Все говорят, что Дэ похожа на отца. Разве что привычкой кусать ногти. Недавно она, что редко случалось, села рядом с матерью за стол на таком же пикнике, и я мог дольше обычного их разглядывать и сравнивать, — и вот здесь я обнаружил очевидное, во всяком случае для меня, сходство. Внешнее, конечно. Потому что Дэ без матери не может даже выбрать цвет помады, это же всем известно, а та в ее возрасте уже управляла отцом. Замечу, что иногда проще управлять, например, металлургическим заводом.

Осень анархичная в этом году. В начале сентября плюс десять и дождь, переходящий в град. А теперь жара. Листья опадают зелеными, не успев постареть как следует. Вот мы и собираемся каждые выходные. И каждый раз как последний. Ведь скоро зима, и на улице не посидишь. Закупаем продуктов все больше и больше: курица, свинина, баранина, овощи, фрукты, четыре вида хлеба, вобла для старта, торт под занавес. Пиво, вино, джин, виски, самогон. На любой вкус. Выбирай что хочешь и мешай с чем хочешь.

Какая досада! Шампанское забыли.

— Алло, Петрович! С тебя два ящика брюта.

Мельники приехали. Мельник-женщина начнет через два часа нить, потому что она за рулем, ей скучно, трезво и тошно. И Мельник-мужчина будет скоропостижно напиваться, поднимая один за другим тост во славу любимой жены, обнимать ее и щипать где-то между ног, чтобы таяла, чтобы успокаивалась, чтобы терпела, сколько ему нужно.

Дэ за столом обычно сидит тихо, глаз не поднимает. Но бокал регулярно. Всегда пьет красное сухое. И мне нравится стабильностью хоть в этом. Потому что все, что я могу рассказать о ее жизни, — сплошной хаос. Мать-холерик, отец-меланхолик, брат-мизантроп, школа с физико-математическим уклоном, филологический вуз, маркетинг в Австрии, шахматы, ландшафтный дизайн, обреченная любовь к поэту, потенциальная любовь с банкиром.

Самогон из бутылки нюхает. Вообще она не дура. Точно не дура. Но иногда да.

— Когда замуж, Дианочка? — стандартный вопрос от Мельника, взгляд которого, шастая по столу в поисках идеальной закуски, натывается на дочь друга.

— Подожди, ей еще год учиться, — спешит за Дэ ответить мать.

— Ой, сколько можно ей учиться! Будет сильно умной — замуж никто не возьмет. И вообще пора внуков для нас рожать! А давайте выпьем за детей! — закрывает тему отец.

Я же знаю, как она относилась к Жене. Мы никогда не говорили о нем, но это было очевидно. Возраст. Гормоны. Нестабильность психики. Первая любовь.

По вечерам они смотрели в ее комнате черно-белые фильмы. Феллини, поцелуи, бутерброды: бородинский хлеб, мед, а сверху мало-солёные огурцы. Пищевое уродство. Но ели же оба.

— Поэт? Замуж? Ты в своем уме? Может, хотя бы за художника? — пытался шутить отец.

— Где вы жить собираетесь? С его мамой? Фу! Чем питаться будете? Рифмами? Ха! Только через мой труп!

Любимый козырь матери в любой игре — ее труп.

Дэ тихо плакала. Но на бунт не решилась. Родители отправили ее учиться в Вену.

Снова стук — еще гости.

— Дианочка, беги открывай, Евгений приехал!

Побежала, малахольная. Евгений, но не тот.

А у меня желание пребывать с людьми, еще и в таком количестве, заканчивается. Жду мяса. Пью морс. От запаха вина меня воротит.

Дэ возвращается. Румяная. Щеки и даже уши красные. Целовалась с ним, что ли? Евгений этот позади. Два метра перспективы — банкирский клерк и бывший спортсмен.

Хотя Женя, который поэт, мне тоже не нравился. Стихи хорошие, а он нет. Не потому, что ревную. Глупости, с чего бы это? Он даже не протестовал, когда она уехала. Отпустил. Вегетарианец. Как такому человеку можно верить?! Не ждите от меня толерантности к непохожим: не приучен. Детство во вседозволенности. Эдипов комплекс. Нарциссизм. Снобизм и ханжество.

— Готово мясо? Мальчики, несите скорее! Умираю от голода!

Надо как-нибудь подсчитать, сколько раз за день мать умудряется умереть.

Мир перенаселен. У мангала толпа с тарелками носится, еще и сталкиваются на поворотах. Солнце садится. Холодает. Надену капюшон. Евгений в футболке. Победоносные бицепсы и эспаньолка. Дэ никогда его не полюбит.

Доедаю свой стейк. Пора уходить.

— Да, да, сейчас вернусь.

И за спиной:

— Та не жди его скоро. Женечке салатика подложи.

Давно они смирились с моей интроверсией.

Но я точно вернусь. Видел, в кастрюле еще сырое мясо осталось.

Так гремят посудой — на втором этаже слышно. Не буду ничего читать, полежу минут пятнадцать, переварю мясо. Включил аудиокнигу. Никогда не надоедающий Оруэлл, чтобы долго не выбирать. Когда я сыт, я не читаю, а слушаю.

«Все, что пахло порчей, вызывало у него надежду...»

У меня тоже.

Совсем темно за окном. Уснул я, что ли? Уснул. Галдят на улице. Как мне вообще удалось заснуть? Открыл окно. Загалдели объемно, но все так же беспредметно. Воздух пахнет илом и мятой. И яблоками. Подняться бы с кровати и пойти сорвать — прямо под окном у меня висят, кислые, хоть и спелые.

Слышу треск в камышах. Возня.

Дэ? Юбка ее желтая. Точно Дэ! С Евгением обнимается. Кто ж еще может заслонить собой луну?! Поддалась на папины желания и мамины советы. Променяла Женю на Женю. Не поймешь этих женщин: то романтику им дай, то соответствие общественным ожиданиям.

Целуются. Такое чавканье над Днестром стоит!

И это они хотят назвать любовью? Меня воротит на расстоянии двадцати метров. Представляю, как им там, рядом друг с другом.

Никогда не женюсь.

Возвращаются влюбленные назад, к компании. За столом голоса все выше и выше. Сокв уже обсудили. На девяностые перешли. К новому времени подбираются. Музыка свою ностальгическую включают. Петровичу спасибо за Летова, уважаю. Запах, какой запах! Вторую партию жарят. Придется спуститься.

— Диана! Я же недавно Женьку встретил! — вдруг орет Петрович.

— Какого Женьку? — В момент произнесения вопроса отец и сам понимает какого.

— Динкиного, бывшего, — ляпает Петрович, переводя взгляд на Женьку настоящего.

— Ну и что, Василий? Какое нам до него дело? — невозмутимо вставляет мать.

— Я с внучкой был. Мы поздоровались, «как ты, что ты» и разошлись. Настенька мне его потом в Инстаграме показала. А там сотни тысяч подписчиков, три книги издал, ездит по Европе с литературными концертами!

— Да ладно? — глухо спрашивает отец, пытаясь пережевать информацию.

— Говорю же, разбогател на поэзии! Машину даже купил.

Глаза сидящих за столом округляются.

— Стихами??? Ты слышала? — обращается отец к Дэ.

— Слышала, — вытирая раздутые губы, говорит та.

— Что-то я его не рассмотрел, не понял. Быть же такого не может. Стихами...

— Может. Все, папа, в этом мире может быть, — равнодушно отвечает Дэ и прижимается к правому бицепсу качка.

Я снова поднимаюсь на второй этаж, к себе. А мне даже понравился сегодня Петрович. Не пустой пришел — с хайпом. Надо же. Бедная Дэ. Напьется сегодня.

Снова из окна треск камышей. Удивительные люди эти взрослые. Почему, как только напьются, на любовь их тянет? А до этого что, нет? Не любитесь? Качок Женя не пьет, с ним все ясно: Дэ молода и прекрасна, можно и трезвому с ней целоваться. А вот она как собирается — так всю жизнь и пить?

— Мама, откуда дети берутся? — спросит ее мой племянник.

И она смущенно, но честно ответит:

— Из бутылки красного вина.

Подошел закрыть окно. Комаров уже нет, но с улицы доносится человеческое жужжание. Раздражает не меньше.

Это уже перебор, Дэ. Что за страдания? Присела на корточки, сгорбилась, голову вниз опустила, на воду смотрит. Ты еще прыгни туда! Низ юбки свесился с моста в воду: не убрала его.

Черная вода с серебряными отблесками луны. Дэ наклоняется. Плавать же не умеет. И чего там сидит, что высматривает? Плохо мне видно: темно совсем. Разрыдалась бы, что ли. Качок бы прибежал, пятерней слезы утер, на руках к столу понес — и забылось бы все, и полюбила бы даже немного его за это. Но нет, не плачет, точно не плачет: линия плеч обреченно замерла.

Долго сидит. Неподвижно. Хоть бы не упала. У моря живет, а плавать не научилась. Вот так сиганет сдуру сейчас или споткнется пьяная — и все, конец! Не закончит магистратуру! Пропадут все оплаченные знания вместе с новой юбкой.

Я, правда, тоже до сих пор плавать не умею.

О чем думаешь, Дэ? Скажи еще — о смерти. Неужели тебе так страшно жить, что ты думаешь о таком варианте развития событий? Дэ, моя милая Дэ. Там тебя тоже ничего не ждет, хотя ты веришь, я знаю. А здесь хоть мясо вкусное. И вино. Ты же любишь вино.

Так долго сидит и сидит, и никто ее назад не зовет. Никто даже не заметил ее долгого отсутствия. Почему-то мне кажется, что она улыбается. Думает, что может сделать это? Думает, что в любом случае всегда сможет просто прийти сюда и прыгнуть? Думает, что всегда есть выход? Если совсем устанет себя жалеть, то сможет прекратить вот так?

Этим она меня ставит в очень неловкое положение. Если прыгнет, я же не побегу. Но надо хотя бы крикнуть. А нужно ли ей, чтобы я кричал? Или лучше просто улыбаться, как сейчас она? Чего ей хочется больше — спасения или улыбки солидарности? Что я могу ей предложить?

Обняла себя руками за плечи. Я непроизвольно повторил ее позу.

Отойди уже от воды, дурочка. Не сделаешь ты этого. Ни сегодня. Ни когда-либо.

А все равно она настоящая. Живая. Подпорченная — и настоящая. Как она в этом мире будет жить? Что ей тут и с кем делать? Ладно я. Как-то разберусь. Мне все равно легче. Все еще существующий патриархат, хотя Дэ пытается это отрицать, не просто существует, а господствует. Я — наследник, я — красавчик, что бы ни творил.

Хотя я ничего и не творю. Я всегда в своей комнате — или здесь, или в городе. И в школу не хожу: учусь дистанционно. Иногда я все-таки хочу другие города увидеть. Мак-Мердо, например. Чтобы людей поменьше: шумные они все слишком.

Просто вернись за стол, Дэтка.

Или уже сделай это! Удиви меня сегодня. Представляешь: ты — в воду, все сбегутся, крики, шум, Мельник-мужчина бежит позади всех, потому что еще успел допить рюмку водки. Петрович снимает ботинки и прыгает в реку. Мать в истерике: «Я умру, если умрет она». Отец ныряет вслед за Петровичем. Качка держит Мельник-женщина: нечего троим там барахтаться. А потом они вдвоем держат безутешную мать.

А ты ушла на дно Днестра.

Из-за любви. Большой, настоящей, чистой, искренней любви, в которую тебе очень хочется верить, о которой ты мечтала всю свою жизнь, начиная с того момента, как робко, кривыми ножками сама пошла без поддержки матери в год и четыре, и до того момента, как в тумане встала из-за стола и очнулась на мостике. Проблеск надежды. Поэт Женя. Любовь. Ночь. Черная вода. Не сразу спохватятся. Великий акт ради великого чувства. А знаешь, сделай это! Решись! Решись сейчас! Окунись в эту бездну, в надежду на любовь. Пусть и чувствовать ты это будешь всего несколько мгновений, но настоящих, тех, которые и должны по большому счёту называться жизнью. Ради любви. Всё существование до этого момента не было так полно любовью, как ты можешь его наполнить прямо сейчас. У тебя есть шанс оправдать свое появление на свет, а главное — этот мой бесконечный, скучный, бесполезный день.

Ну же! Давай! Я не буду кричать и звать на помощь! Дай нам всем эту веру в любовь. Все наконец-то поверят: и мама, и папа, и твой качок. Все за столом, все в городе. И обязательно поверит Мельник-женщина: она давно ждет такого знака от кого-нибудь.

Прыгай! Зажмурься и прыгай! Я тебя не подведу, я промолчу. Как тогда, помнишь, когда ты слопала две коробки конфет и сказала, что это мы вдвоем сделали. Вот сейчас закрою окно и отойду от него. Я ничего не видел и ничего не знаю. Но я знаю тебя, бедная Дэ. Ты не сможешь мириться со всем этим всю жизнь. Ты другая. Но ведь правда? Ты другая? Не дай мне поверить, что ты такая же, как они. Нормальная. Только прыгни.

«Если цель — не остаться живым, а остаться человеком, тогда какая в конце концов разница?..» — у этого диктора идеальная дикция, но мало эмоций.

Крик. Женский. Мать. Вот чем Дэ похожа на отца — привычкой беспрекословно подчиняться матери. Доминантная мать — это приговор. Или спасение. Просто позвала Дэ к столу. Та просто встала, расправила складки на юбке и медленно пошла прочь от черной воды. Иди в жопу, Диана. В жопу Петровича.

